

Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире?¹

С. Кутюр, С. Тоупин

Стефан Кутюр, доцент, Глендон-колледж, Йоркский университет, 2275 Бэйвью-авеню, Торонто, Онтарио, Канада. M4N 3M6. Email: stephane.couture24@gmail.com

Софи Тоупин, аспирант факультета истории искусства и теории коммуникации в Университете МакГилла, Монреаль, Канада.

Представленная статья посвящена особенностям употребления понятия «суверенитет» в реалиях цифровизации. Рассматриваемое понятие всё чаще используется для описания всевозможных форм независимости, контроля и автономии в отношении элементов цифровой инфраструктуры, технологий и данных. Представленный анализ основывается на результатах предшествующих и текущих исследований с привлечением специалистов и экспертов, в рамках которых авторы обнаруживают примеры применения понятия «суверенитет» для описания технологических процессов, которые существенно отличаются от деятельности государств. В рамках представленной работы авторы рассматривают ряд публикаций для того, чтобы продемонстрировать разнообразие существующих подходов, принятых в рамках различных групп и объединений. Авторы наглядно показывают, что хотя в отдельных случаях понятие «суверенитет» используется для установления некой формы коллективного контроля над цифровой информацией и / или инфраструктурой, возможны и совершенно иные подходы к определению рассматриваемого понятия.

Ключевые слова: суверенитет данных, цифровой суверенитет, дискурс, коренное население, управление Интернетом, национальные государства, социальная мобильность, технологический суверенитет

Для цитирования: Кутюр С. Тоупин С. (2020) Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. Т. 15. № 4. С. (на русском языке). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.

Введение

Целью настоящей статьи является изучение особенностей применения понятия «суверенитет» в «цифровой» сфере. Определение «цифровой» в данном контексте опирается на распространенное толкование, которое подразумевает технологии, инфраструктуру и данные, основанные на или используемые при помощи электронных компьютерных технологий [Peters 2016, р. 94]. Как мы можем увидеть в Таблице 1, за последние годы наблюдается увеличение случаев использования понятия «суверенитет» в связи с такими терминами как «цифровой», «данные» и «технологии». Еще более важным является то обстоятельство, что понятие «суверенитет» теперь использует огромное множество акторов, начиная от глав государств и специалистов в области изучения коренных народов до представителей общественных движений и около анархических «технических сообществ», использующих совершенно разные подходы к рассмотрению суверенитета в контексте проблематики торгового протекционизма, многостороннего управления Интернетом или защиты от вмешательства государства в частную жизнь.

¹ Статья Couture S. Toupin S. (2019) What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? // New Media & Society, с разрешения издательства SAGE переведена Александром Александровичем Игнатовым м.н.с. Центра изучения международных институтов, Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

В рамках представленной работы мы рассматриваем примеры того, как меняется концепция суверенитета при его применении различными акторами в отношении «цифровой» проблематики. Представленный анализ основан на результатах соответствующих полевых исследований и опыте участия в работе объединений технических специалистов и сетевых сообществ, декларирующих приверженность идеям социальной справедливости [Couture et al., 2016; Couture, 2018; Tourpin, 2014]. В последние годы мы обнаруживаем множество примеров, когда представители указанных групп используют понятие «технологический суверенитет», подразумевая разработку цифровых технологий и создание цифровой инфраструктуры с использованием свободно распространяемого программного обеспечения, серверных устройств и технологий шифрования как на коллективной основе, так и в одиночку [Beltrán, 2016; Naché, 2014a, 2014b, 2017; Nitot, 2016]. Подобный подход представляет для нас особый интерес поскольку он существенным образом отличается от иных интерпретаций, основанных на приоритизации роли государства или политической компоненты суверенитета. Сам факт использования понятия «суверенитет» представителями данных сообществ является для нас удивительным, ведь сами они характеризуют сущность суверенитета именно с позиции государства, а не как отражение некой степени «автономности». Приняв данное обстоятельство во внимание, мы задались целью выяснить, кто, как и почему использует понятие «суверенитет». Именно непосредственный опыт взаимодействия с общественными активистами и техническими специалистами подтолкнул нас к рассмотрению данного понятия с позиций широкого круга акторов. Целью для нас является ответ на вопрос о том, почему те или иные группы используют понятие «суверенитет», рассуждая о технологиях. Хотя изначально указанный материал опирался на опыт непосредственного взаимодействия с представителями тех или иных групп интересов, основным методом, использованным при подготовке данной статьи, стал дискурс-анализ, применение которого позволило продемонстрировать всё разнообразие подходов к использованию понятия «суверенитет» в контексте цифровых технологий и цифровизации, особенно с позиции разнообразных общественных организаций, например, государств, общественных движений или коренных народов.

Таблица 1. Частота использования понятия «суверенитет» в работах, посвященных проблематике цифрового развития (с использованием инструментов ProQuest Central)

	Суверенитет данных		Технологический суверенитет		Цифровой суверенитет	
	Академические статьи	Иные виды публикаций	Академические статьи	Иные виды публикаций	Академические статьи	Иные виды публикаций
До 2011 г.	0	23	12	81	0	6
2011 – 2014 гг.	18	794	6	101	2	49
2015 – 201	89	2459	20	131	22	239

8						
гг.						

Представленная статья не содержит исчерпывающий обзор всех опубликованных материалов по рассматриваемой проблематике. Основу работы составляют отобранные публикации, которые позволяют составить компетентное мнение относительно сущности понятия «суверенитет» и особенностей его применения. Кроме того, следует отметить, что выборка материалов ограничивается публикациями на английском языке и ссылками на отдельные франкоязычные издания. Авторы осуществили исходный отбор материалов при помощи реферативных баз Google Scholar и WorldCat, а также библиотечных фондов Университета МакГилла и Йоркского университета, Канада. Кроме того, для изучения примеров использования рассматриваемого понятия в онлайн-публицистике были задействованы поисковые алгоритмы Google. Изначально объектом поиска выступало только понятие «технологический суверенитет», однако в дальнейшем в поисковый запрос были включены такие элементы как «цифровой суверенитет», «сетевой суверенитет», «суверенитет данных», «частотный суверенитет», «компьютерный суверенитет» и «информационный суверенитет». В итоге были отобраны около 50 документов, включая академические статьи и монографии. Изучение отобранных материалов позволило выделить некоторое количество смысловых категорий, представляющих несколько типов акторов: национальные государства, коренные народности, гражданское общество, общественные организации, а также отдельные личности. После первичной категоризации, авторы расширили выборку по методу «снежного кома». В дальнейшем нами была добавлена ещё одна категория, которая отражает актуальную по сей день точку зрения о том, что Интернет и информационные сети выходят за пределы государственного суверенитета и должны управляться людьми непосредственно.

Авторы отдают себе отчёт в том, что представленное исследование не является всеобъемлющим. Более системный и обширный анализ доступных источников представляет исследовательский интерес, однако мы сознательно отказались от подобного подхода². Настоящая статья представляет результаты качественного анализа ограниченного количества статей и монографий (академических и публицистических) по рассматриваемой проблематике, которые наглядно демонстрируют многообразие подходов к интерпретации понятия «суверенитет» в цифровой сфере, а также приписываемых ему идеологических характеристик. Базовым критерием отбора выступало использование понятия «суверенитет» в заголовке, аннотации или самом тексте статьи или монографии. В выборку не включались материалы, которые только косвенно относятся к рассматриваемой проблематике.

На наше исследования повлияла работа С. Пру [Proulx 2007] о дискурсе «информационного общества» 1970х – 2000х гг. Работа Пру [Proulx 2007] основана на конструктивистском подходе Криппендорфа [Krippendorff 1993] к использованию метафор. Пру указывает на то, что «любая метафора, любой термин, используемый социальными акторами для описания существующей или воспринимаемой реальности, может стать

² Следуя полученным экспертным рекомендациям, мы осуществили более систематизированный поиск с применением инструментов WorldCat и ProQuest. Это открыло нам некоторые дополнительные возможности, а также показало, что отдельные работы, отобранные нами изначально, что особенно характерно для неакадемических работ, не отображаются в формируемых специальными поисковыми инструментами подборках.

предметом дискуссии», а также на то, что «метафоры формируют категории мышления субъекта» [Proulx 2007, с. 113]. Используя этот подход, автор рассматривает то, что сам называет «метафорой информационного общества» и очерчивает многообразие акторов, использующих данный термин, а также разницу в имеющихся идеологических предпосылках [Proulx 2007, с. 113]. Следуя данному примеру, мы поставили цель рассмотреть «политику концепции» и проанализировать, кто, для каких целей и исходя из каких предпосылок рассуждает о суверенитете. Настоящая статья призвана ответить на следующие вопросы: как термин «суверенитет» используется для понимания таких понятий как «цифровые данные», «цифровые материалы» и «цифровая инфраструктура»? Как рассматриваемый термин соотносится (или не соотносится) с традиционным восприятием суверенности как свойства государства или с иными трактовками, которые связаны с категориями социальной справедливости, автономии или коллективного управления?

Авторы настоящей статьи начинают с общего рассмотрения различных исторических и эпистемологических концепций суверенитета. Далее, авторы анализируют подходы различных акторов к использованию понятия «суверенитет», например то, как в этом отношении ведут себя национальные государства, представители коренного населения, общественные организации, а также «отдельные личности» и «Интернет-сообщество». Затем мы в общих чертах описываем общее и различное в рассмотренных подходах и показываем, что в то время как понятие «суверенитет» чаще всего используется для обозначения некой степени общественного контроля над цифровыми материалами и / или инфраструктурой, а также временами как выражение сопротивления попыткам установления такого контроля, в отдельных случаях интерпретации и придаваемое суверенитету значение сильно различаются в зависимости от использующего понятие актора или группы.

Постановка проблемы

Перед тем, как приступить к анализу примеров использования понятия «цифровой суверенитет» и других схожих терминов, необходимо рассмотреть процесс исторического и эпистемологического развития концепции суверенитета вне «цифрового» контекста. Современная трактовка суверенитета с точки зрения цифрового развития включает множество коллективных и индивидуальных концепций. Подобный плюрализм обусловлен разнообразием акторов, которые используют данный термин.

Сам по себе термин «суверенитет» используется со времен Древнего Рима [Hinsley 1986], однако его современная трактовка связана с именами Макиавелли, Гоббса, Бодена и Шмитта. Суверенитет обычно понимается как верховная власть над неким политическим образованием (политико-территориальной единицей). Стэнфордская энциклопедия философии [Philpott 2003, с. 3] определяет четыре характеристики суверена: 1) он обладает властью; 2) его власть исходит от «признаваемого всеми источника легитимности» - от Бога, конституции или по праву наследования; 3) власть суверена является верховной; 4) власть суверена ограничена территориально. В отношении «территории» Холлис [Hollis 2012] уточняет, что в данном случае имеется в виду не только поверхность суши, но и ресурсы, включая инфраструктуру, воздушное пространство, минеральное сырье под земной поверхностью или на континентальном шельфе. Филпотт [Philpott 2003] подчеркивает, что наряду с принципом территориальности, который неразрывно связан с суверенностью, в прошлом огромное

значение придавалось непосредственной принадлежностью к роду, кровному родству, конфессии, племени, феодальным отношениям. Территориальность суверенитета – то, что в рамках данной статьи понимается под *государственным суверенитетом* – является неотъемлемой компонентой современной европейской политической мысли, для которой важнейшими категориями выступали права собственности вообще и в частности право на владение землей.

Концептуальное наполнение понятия «суверенитет» рассматривается с разных точек зрения. Некоторые авторы [Bhandar, 2011; Havercroft, 2011] указывают на то, что в условиях глобальной взаимозависимости установление абсолютного суверенитета представляется чрезвычайно трудным. Власть суверена может быть ограничена международными или региональными соглашениями, деятельностью транснациональных корпораций или вызовами планетарного масштаба, например, глобальным потеплением, пандемиями или, как в нашем случае, возникновением глобальных информационных сетей и Интернета. Другие авторы подчеркивают, что с точки зрения классического подхода установление суверенитета (создание национального государства) является абсолютной целью любой нации и, соответственно, основной всякой формы национализма, однако в современных реалиях, когда этническое меньшинство, лишенные возможности создать полноценное национальное государство, тем не менее, претендуют на обладание хотя бы некой толикой суверенитета, эта цель представляется более комплексной, чем раньше. А. Аппадурай [Appadurai 1990, с. 304] считает, что это «отличает нацию от государства». Именно многообразие всевозможных видов коллективной идентичности, которые стремятся к признанию в качестве отдельных наций и установлению собственного политического статуса как внутри существующих государственных границ, так и за их пределами, определяет комплексность современной глобальной политики. Это относится к тем политическим образованиям, в рамках которых на «государственный суверенитет» претендует значительная часть населения, но в то же время это справедливо и в отношении отдельных групп интересов, существующим внутри этих образований. Коренное население может обладать некой долей государственности в рамках территории своего проживания (например, территория Нунавут в Канаде) или выступать в качестве субъекта политического процесса в случае, когда принимаются решения относительно территории их проживания или находящихся там ресурсов.

Концепция суверенитета подвергается критике представителей коренных народов. Култхард [Coulthard 2014] утверждает, что мирное сосуществование коренных народностей в рамках единых государств, созданных переселенцами, воспроизводит колонизаторскую, расистскую и патриархальную систему, которая, прежде всего, формировалась для их подчинения. Он утверждает, что восприятие коренными народностями государственности ставит под вопрос «легитимность создаваемых переселенцами государственных образований и их претензии на установление власти над коренными жителями и их территориями с одной стороны и нормативную природу федеративного государства как приемлемой модели государственного устройства с другой» [Coulthard 2014, с. 36]. Автор статьи [Bonilla 2017] в одном из недавних выпусков журнала *Cultural Anthropology*, посвященного проблематике суверенитета, утверждает, что суверенитет как политическая категория ассоциируется с насилием и неравенством и применялся для оправдания апроприации территорий так называемых не-суверенных, коренных народов через доктрину *ничейной земли* (*terra nullius*). Несмотря на то, что позже всё та же концепция суверенитета будет использоваться антиколониальными движениями, автор [Bonilla 2017] настаивает на том, что сам по себе суверенитет не

является нейтральным и что практика лишения прав материальной собственности, являющаяся неотъемлемой характеристикой международных отношений, точно также является основной характеристикой суверенитета. В соответствии с тематикой настоящей статьи уместно поставить следующий вопрос: кто выдвигает определение «технологического суверенитета» и других схожих понятий и для какой цели?

Понятие «суверенитет» трансформировалось множество раз, всё дальше уходя от изначально приписываемых ему значений, что наложило свой отпечаток на концептуализацию понятий «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет». Возьмем в качестве примера понятие «продовольственный суверенитет», впервые употребленное международной фермерской организацией *Via Campesina* в 1996 г. и несколько позже определенное как «право каждой нации на здоровую и приемлемую с точки зрения традиций и культуры пищу, произведенную при помощи технологий, соответствующих требованиям экологичности и устойчивости, а также их право на самоопределение в вопросах развития продовольственных и сельскохозяйственных систем» [Declaration of Nyéléni, 2007]. Как мы убедимся далее, концепция «продовольственного суверенитета» стала предпосылкой к формированию движений за установление индивидуального или коллективного контроля над технологиями. «Суверенитет тела» как понятие также стал плодом деятельности групп активистов, для которых первостепенное значение имеет право распоряжения своим собственным телом. Например, одна из рассмотренных нами работ [Murphy 2012] посвящена тому, как в 1970-е гг. феминистки (преимущественно из числа белого населения) выступали за установление полного суверенитета женщины над её собственным телом путём изучения строения половой системы и менструальных выделений для дальнейшего контроля рождаемости. Исследовательница А. Вилсон, представительница коренных народностей [Wilson 2015], заявляет, что «суверенитет тела и гендерное самоопределение» являются критически важными факторами преодоления системных форм угнетения. В данных примерах мы обнаруживаем смещение концепции суверенитета от коллективных форм выражения (государство, нация) к индивидуальным (отдельная личность или небольшая группа людей).

Некоторые исследователи [Werner, de Wilde 2001] выступают за рассмотрение суверенитета с точки зрения лингвистики. Применяя теорию речевых актов Джона Сёрля (J.R. Searle), указанные авторы рассматривают понятие «суверенитет» скорее как «особую форму легитимизации», нежели как эмпирическую категорию, описывающую ситуацию абсолютного контроля над чем-либо. По их мнению, суверенитет представляет собой речевой акт, призванный установить или подтвердить позицию заявителя как обладателя абсолютной власти и придать легитимность фактам её применения [Werner, de Wilde 2001, с. 287]. Авторы отмечают, что сам по себе дискурс о суверенитете не имеет места, когда власть и авторитет никем не оспариваются, что в наибольшей степени совпадает с распространенным толкованием суверенитета. С другой стороны, дискурс суверенитета возникает именно тогда, когда власть слабеет [Werner, de Wilde 2001, с. 307]. Как мы убедимся далее при рассмотрении концепции цифрового суверенитета, в США дискурс о суверенитете не развит именно потому, что именно США обладают наибольшим весом в вопросах управления Интернетом.

Пять концепций цифрового суверенитета

Далее мы представим результаты проведенного нами анализа пяти основных концепций цифрового суверенитета: «суверенитет киберпространства», «цифровой суверенитет, государства и правительства», «цифровой суверенитет коренных народов», «цифровой суверенитет и общественные движения», а также «личный цифровой суверенитет». Перечисленные концепции были выделены для того, чтобы наилучшим образом продемонстрировать многообразие подходов к определению «цифрового суверенитета», а также определить ключевых акторов и особенности выдвигаемой ими повестки. Применяя нашу методологию, представляется невозможным определить, какая из концепций количественно превалирует над другими (с точки зрения количества работ в каждой из них). По нашему мнению, значимость каждой категории должна оцениваться дискретно: вне всякого сомнения, претензии Китая и России на установление цифрового суверенитета сами по себе привлекут больше внимания со стороны академического сообщества или СМИ, чем проблемы суверенитета коренных народностей, что, однако, не делает последнюю проблему менее важной. В нашем исследовании мы ориентировались в первую очередь на общий рост интереса к рассматриваемому понятию и многообразие существующих подходов.

Несмотря на то, что настоящая работа посвящена именно *цифровому* (выделение курсивом сделано переводчиком – А.И.) суверенитету, дискурс суверенитета и технологий существовал и до возникновения цифровых технологий как таковых. Например, в 1967 г. Научный совет Канады представил стратегию «технологического суверенитета», определив его как инструмент «развития и контроля над технологиями как средства поддержания национального суверенитета» [Globerman 1978, с. 43]. Помимо прочих аспектов, указанная стратегия подразумевала поощрение создания канадскими компаниями собственных технологических решений [Globerman 1978, с. 43]. В то время поддержание технологического суверенитета имело скорее националистический подтекст, нежели являлось средством повышения экономической эффективности. Схожим образом в работе, посвященной политике Австралии по обеспечению технологического суверенитета [Grant 1983], данное понятие трактовалось как «возможность и свобода определять, создавать, приобретать, внедрять на практике и использовать для получения выгоды технологии, необходимые для инновационного развития промышленности» [Grant 1983, с. 239]. В данном случае «свобода» подразумевает отсутствие каких-либо договорных или правовых препятствий, а «возможность» - соответствующие знания и компетенции для создания технологических инноваций. Как мы сможем убедиться далее, указанные аспекты – свобода, возможность, национализм – до сих пор присутствуют в дискусе цифрового суверенитета с поправкой на большее внимание к вопросам контроля над данными.

Суверенитет киберпространства

Дискурс о суверенитете киберпространства зародился в 1990-е гг., однако рассматриваемая тема не утратила актуальность и по сей день. Центральной идеей данной категории является утверждение о том, что вопросы регулирования Интернета выходят за рамки государственного суверенитета. Лучше всего данную концепцию иллюстрирует *Декларация независимости киберпространства* Дж. Барлоу, написанная в 1996 г. Обратимся к первым строкам документа:

Правительства Индустриального Мира, Вы - утомленные гиганты плоти и стали, - я пришел из Киберпространства, новой обители мышления. От имени будущего, я прошу

Вас из прошлого, оставить нас наедине. Вас не звали к нам. Вы не имеете никакой власти там, где мы возрастаем [Barlow 1996]

Декларация построена вокруг идеи о том, что Интернет является пространством особого типа, возникшим вне любой разновидности государственного контроля и, следовательно, должен таковым оставаться. Воззвание Барлоу стало ответом на шаги со стороны государства по установлению контроля над цифровым пространством, в частности, на принятие в 1996 г. Правительством США Закона о телекоммуникациях, целью которого было регулирование оборота порнографических и иных материалов непристойного содержания в сети Интернет [Barlow 1996; Turner 2006, с. 172]. В данном контексте суверенитет киберпространства выступает как противоположность государственного суверенитета. Как мы увидим далее, данная точка зрения в корне отличается от позиции, усердно продвигаемой Китаем и Россией, которые настаивают на реализации государственного суверенитета в Интернете, а также от аргументов сторонников многостороннего управления Интернетом. В 1990-е гг. претензии на установление суверенитета в киберпространстве подвергались критике [Wu 1997], в частности из-за ограниченности возможностей государств по контролю над физическими компонентами инфраструктуры Интернета. Также рассматривалась возможность реализации «минимального государственного суверенитета» в киберпространстве посредством выработки общего консенсуса относительно базовых стандартов Интернета [Wu 1997, с. 665].

Несмотря на некоторые различия в форме, идеи и концепции 1990-х гг. актуальны и сейчас. В своей недавней работе Мильтон Мюллер (M. Mueller) раскрывает концепцию «народного суверенитета» и утверждает, что основным носителем суверенитета в киберпространстве должны стать люди, которые пользуются Интернетом, а не национальные государства. Мюллер выступает за то, чтобы основой «народного суверенитета» стали существующие форматы многостороннего управления Интернетом, например, Форум по управлению Интернетом (Internet Governance Forum, IGF) и профильные организации, такие как Корпорация по присвоению доменных имен (ICANN). Концепция Мюллера значительно сложнее исходного посыла манифеста Барлоу, однако оба автора оспаривают идею государственного суверенитета в Интернете. О многосторонних институтах Мюллер пишет следующее:

«Многосторонние институты» зачастую подменяют национальные правительства и, тем самым, в некотором роде, становятся их прямыми конкурентами за верховную власть в вопросах регулирования сферы телекоммуникаций и информации» [Mueller 2017, гл. 5]

Иные работы последних лет по рассматриваемой проблематике также поддерживают идею о том, что вопросы управления средствами цифровой связи выходят за рамки или должны быть вне рамок государственного суверенитета. Бенджамин Браттон в своей работе *The Stack: On Software and Sovereignty* [Bratton 2015] рассматривает взаимосвязи между концепцией суверенитета и рынком программного обеспечения. Браттон считает, что современная глобальная вычислительная инфраструктура – то, что он называет понятием *The Stack* (букв. – стеллаж, колода, прим. переводчика) – подрывает основы, на которых выстраивался Вестфальский суверенитет национальных государств. В то время как Вестфальская система строилась на взаимоотношении территориально ограниченных национальных государств в горизонтальной плоскости, *The Stack* основывается на принципиально иной логике функционирования суверенитета. В качестве

примера Браттон рассматривает ситуацию 2010 г., когда между Никарагуа и Коста-Рикой едва не началась война из-за изменений в цифровом представлении границы между двумя государствами на *Google Maps* [Bratton 2015, с. 120].

Цифровой суверенитет, государства и правительства

Иные авторы, например, Ху Д.Х. [Hu 2015], настаивают на том, что, хотя Интернет и международные системы связи и рассматривались раньше как нечто, выходящее за пределы государственного суверенитета, с течением времени ситуация изменилась во многом из-за появления облачных технологий, ставших свидетельством «возрождения суверенной власти в пространстве цифровых данных» [Hu 2015, с. xiii]. Цифровой суверенитет и связанные с ним понятия действительно активно обсуждаются на уровне государств и правительств. В иных случаях предметом обсуждения обычно становится контроль государств над потоками данных.

Одним из первых определение *цифровому суверенитету* дал французский бизнесмен Пьер Белланжер. В 2012 г. в своей публикации П. Белланжер определил *цифровой суверенитет* (*souveraineté numérique*) как «контроль над сегодняшним днём и нашей общей судьбой, которые являют себя и формируются через применение технологий и компьютерных сетей»³ [Bellanger 2012, с. 154]. Белланжер отмечает, что ни Франция, ни Европа в целом не достигли достаточного уровня контроля над и не обеспечили надлежащую независимость в вопросах развития цифровых сетей и выступает за установление соответствующих экономических и правовых рамок, которые бы способствовали созданию собственных технологических инноваций. Данный подход во многом схож с националистическим подходом к «технологическому суверенитету», который был характерен для 1970-х и 1980-х гг. – и в работы тех лет, и позиция П. Белланжера строятся на приоритизации развития инновационных отраслей национальной экономики и создания соответствующих условий. Однако Белланжер выступает за цифровой суверенитет в контексте защиты частной жизни граждан европейских государств от «эксплуатации», в частности, автор выступает за создание собственных национальных систем облачного хранения данных граждан. С этой точки зрения Белланжер близок ко многим другим современным исследователям, которые поддерживают необходимость установления государственного контроля над данными и системами связи, особенно подчеркивая необходимость снижения контроля со стороны иностранных государств, в частности, США.⁴

Правительства многих государств по всему миру предпринимали попытки повысить защищенность страны и граждан посредством поддержки развития «национальных» технологий и принятия соответствующих законов. Президент Бразилии Д. Русеф представила план вывода бразильского сегмента Интернета из-под влияния США и американских IT-корпораций, что в некотором роде может считаться попыткой реализации цифрового суверенитета [Rhodes, Armijo 2014]. Германия инициировала процесс создания собственной системы обмена электронными сообщениями, прокладки новых подводных кабелей и начала продвигать политику локализации данных в качестве мер противодействия слежке США за телефонными переговорами и личной почтой

³ Перевод исходного текста с французского на английский язык выполнен авторами статьи – прим.переводчика

⁴ Один из авторов настоящей статьи [Couture 2013] считает, что использование государствами и правительствами свободно распространяемого ПО с открытым программным кодом позволит обеспечить поддержание суверенитета над национальными информационными сетями и снизить зависимость от частных компаний

канцлера Меркель [Maurer et al. 2015]. После взлома данных французского правительства в ходе предвыборной кампании 2017 г., Франция также направила средства на разработку шифруемого правительственного мессенджера с открытым кодом, что некоторые авторы рассматривают как попытку установления *souveraineté technologique* [Bergonhoux 2018]. Отдельные авторы [Obar, Clement 2013] обращаются к правительству Канады с призывом укрепить *сетевой суверенитет* страны путём развития инфраструктуры для перенаправления потоков данных, которые иначе направляются в США. Указанные авторы утверждают, что суверенитет находится под угрозой, когда «некое иностранное образование вмешивается во внутренние дела независимого государства» [Obar, Clement 2013, с.1].

Следует обратить внимание на понятие «суверенитет данных». После того, как Э. Сноуден представил на суд общественности данные внешней разведки США, эта тема приобрела особое значение в международном масштабе [Polatin-Reuben, Wright 2014, с. 1]. Следует различать *слабый* суверенитет и *сильный* суверенитет: в первом случае подразумеваются «попытки частных компаний обеспечить защиту данных с особым вниманием к защите цифровых прав» [Polatin-Reuben, Wright 2014, с. 1], в то время как второй термин означает «меры государственной политики, направленные на защиту национальной безопасности» [Polatin-Reuben, Wright 2014, с. 1]⁵. Рассматривая с политикой стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) с этой точки зрения, мы приходим к выводу, что Бразилия, Индия и ЮАР действуют в соответствии с политикой слабого суверенитета данных, тогда как Китай и Россия более склонны к политике сильного суверенитета. Политика сильного суверенитета данных может привести к сегментации Интернета (распад единого информационного пространства на ряд самостоятельных подсистем), однако сама по себе такая политика сопряжена со значительными издержками, возникающими вследствие цифровой и физической изоляции страны. Авторы, изучившие политику Индонезии в данной области [Nugraha, Sastrosubroto 2015, с. 465], дают следующее определение суверенитету данных: «рациональные действия национальных государств, направленные на установление контроля над потоками конфиденциальных данных внутри собственных границ и за их пределами». Указанные авторы отмечают то, что понятие «суверенитет данных» не фигурирует в нормативных документах Индонезии, однако на деле такие аспекты суверенитета данных как «шифрование, национальные службы обмена электронными сообщениями, локализация данных, регулирование национального Интернет-трафика и базовая инфраструктура связи» [Nugraha, Sastrosubroto 2015, с. 465] косвенно регулируются существующими законами.

Мы отмечаем, что позитивное восприятие суверенитета чаще всего встречается за пределами США.⁶ В самих Штатах цифровой суверенитет (или иное схожее по смыслу понятие) имеет негативную коннотацию. В качестве примера рассмотрим публикацию Rand Corporation, критикующую концепцию «цифрового суверенитета». В данном случае

⁵ Не предпринимая попытки углубить рассмотренные определения, мы трактуем эти понятия следующим образом: слабый суверенитет подразумевает принуждение частных компаний к защите тайны частной жизни и личных данных пользователей, в то время как сильный суверенитет основывается на создании государством соответствующей инфраструктуры.

⁶ Тем не менее, ситуация может принять иной оборот. В своём недавнем интервью, Стивен Бэннон, бывший советник Президента США Д. Трампа, включил «цифровой суверенитет» в тройку ключевых факторов мирового развития. В его трактовке «цифровой суверенитет» является средством противодействия граждан «централизованному технократическому госкапитализму» (перевод прямой цитаты – прим. переводчика), то есть таким компаниям, как Google и Facebook, уличенным в присвоении интеллектуальной собственности [Barber 2018]

это понятие рассматривается в качестве тождественной текущей политике Китая по ограничению доступа граждан к отдельным видам цифрового контента, что напрямую противоречит идее неограниченного и свободного Интернета, апологетом которой считаются США. Антагонизм Китая и стран Запада рассматривается во множестве работ. Политика «информационного суверенитета» Китая противопоставляется «свободному Интернету» стран Запада, притом оба похода преследуют цель легитимизацию той или иной формы экономического глобализма – одна приносит непропорциональные выгоды Западу, тогда как вторая призвана поддержать претензию государства на контроль информационных сетей [Powers, Jablonski 2015, с. 203]. Иные работы [Budnitsky, Jia 2018] указывают на то, что Китай и Россия занимаются продвижением концепции суверенного Интернета начиная с 1998 г., что вновь вступает в противоречие со *свободным Интернетом* (выделение курсивом сделано авторами – прим.переводчика), который поддерживают американцы. В данном контексте «суверенный Интернет» является не только формой цифровой политики государства, но и своего рода элементом национальной идентичности, обращенным во вне. Подчеркивается, что нынешний дискурс, как и дискуссия о «технологическом суверенитете» 1970-х гг., выходит за рамки квази-правового определения суверенитета как верховной власти государства в пределах своей территории. Современный дискурс выражает особенности национального подхода к управлению и развитию Интернета, то есть является разновидностью национализма.

Цифровой суверенитет коренных народов

К понятию «суверенитет» обращаются и представители коренных народов. Для них «суверенитет» как концепция является частью более обширной дискуссии о праве коренных народов на абсолютный авторитет в вопросах управления территорией проживания, собственным телом и культурой. Составители сборника *Indigenous Data Sovereignty: Towards an Agenda* [Kukutai, Taylor 2016] утверждают, что суверенитет данных реализуется «преимущественно органами государственной власти и транснациональными корпорациями» [Kukutai, Taylor 2016, с. 2], вследствие чего права коренного населения в отношении «сбора, распоряжения и применения данных о гражданах, территории их проживания и образе жизни» [Kukutai, Taylor 2016, с. 2] нередко игнорируются. Указанный сборник представляет результаты анализа множества примеров проявления самоопределения коренных народностей в вопросах управления цифровыми данными. В качестве примера рассмотрим одну из глав [Walter 2016], автор которой утверждает, что проявление суверенитета коренных народов в вопросах управления цифровыми данными потребует создания собственной методики сбора этих данных, не связанной с колониальным прошлым, что будет способствовать изменению модели представления интересов коренного населения и порядка принятия решений. В другом разделе рассматривается процесс становления и особенности концепции суверенитета данных коренных народов на примере коренного населения Канады [First Nations Information Governance Center 2016]. Представители коренных народов в определенный момент взяли на себя процесс сбора недостающих данных, в частности, в ходе проведения общерегионального исследования состояния общественного здоровья они учредили торговую марку OCAP®, аббревиатура которой расшифровывается как *Ownership* (владение), *Control* (управление), *Access* (доступ) и *Possession* (распоряжение). Таким образом коренные народы стремятся установить контроль над важной информацией схожим образом с принятой моделью управления территориями, на которых они проживают [First Nations Information Governance Center 2016, с. 142]. В данном

контексте проблема территориальной юрисдикции и управления информацией рассматриваются через призму суверенитета.

В схожей манере автор монографии *Network Sovereignty: Building the Internet Across Indian Country* [Duarte 2017] рассматривает проблематику взаимосвязей между информацией, информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) и коренными народами США. Автор указывает на то, что «для местных племен, суверенитет напрямую связан с единством народа и эффективностью системы управления» [Duarte 2017, с. 38]. В то же время, автор утверждает, что многие коренные народности живут согласно «насиленно навязанной или установленной в порядке уступки колониальной форме правления» [Duarte 2017, с. 38], что в корне отличается от тех моделей самоуправления, которые были приняты ими ранее или могут быть реализованы на практике. Автор также разделяет культурный суверенитет и политико-правовой суверенитет и утверждает, что обмен информацией и продуктами творческого труда являются важными компонентами суверенитета коренных народностей. Сама по себе это форма накопления знаний о своей родной земле, философии, языках и космологии [Duarte 2017, с. 37]. В то время как коренные жители вынуждены прибегать к использованию ИКТ в интересах самоопределения и для эффективного самоуправления, автор на конкретных примерах доказывает, что в коренных резервациях имеется проблема с доступом к цифровым технологиям, в частности, отмечается территориальная ограниченность сотового сигнала, скудность мультимедийного контента, связанного с местными культурами, проблематичность доступа к широкополосному Интернету и т.п. В заключении автор указывает на огромную значимость инфраструктурного развития в контексте активизации деятельности коренных народов, их самоопределения и полноценной реализации суверенитета.

Общественные организации и цифровой суверенитет

Рассматриваемые в данном разделе подходы к цифровому суверенитету сильно контрастируют с претензией государств на суверенитет в цифровом пространстве. Суверенитет в данном случае выступает в качестве средства обеспечения автономии общественных организаций, которая реализуется путём установления коллективного (в некоторых случаях – индивидуального) контроля над технологиями и цифровой инфраструктурой, а также за счёт реализации имеющихся возможностей в деле разработки и применения инструментов, созданных этими движениями и / или в их интересах. В данном контексте понятие «технологический суверенитет» чаще всего подразумевает использование открытого и свободно распространяемого программного обеспечения и услуг.

Во введении к настоящей работе мы указали на то, что именно через изучение подходов различных общественных движений и организаций мы стремимся продемонстрировать многообразие определений цифрового суверенитета. Общественные движения берут на вооружение концепцию цифрового суверенитета при обсуждении различных вопросов, связанных с технологическим развитием. Огромное влияние на нашу работу оказало двухтомное издание, опубликованное при поддержке французской общественной организации *Ritimo* [Naché 2014a, 2014b, 2017]. В одной из рассматриваемых работ «технологический суверенитет» был определен как «технологии, разработанные гражданским обществом или в интересах гражданского общества» [Naché 2014a, с.11]⁷. В

⁷ Перевод исходного текста с французского на английский язык выполнен авторами статьи – прим.переводчика

данном контексте гражданское общество, зачастую понимаемое как тождественное общественному движению, определяется автором как объединение граждан или групп граждан, деятельность которых «определяется не соображениями выгоды, но удовлетворением потребностей и стремлений наряду с реализацией повестки общественной и политической трансформации» [Naché 2014a, с.11]⁸.

В рамках представленного подхода реализация технологического суверенитета предполагает создание технологий, альтернативных военным технологиям и / или коммерческим технологиям. Особое внимание уделяется свободно распространяемому программному обеспечению с открытым кодом и аппаратуре, которые являются основой технологического суверенитета. Таким образом, технологический суверенитет включает весь жизненный цикл технологии от момента добычи сырья до его утилизации. Большое значение придаётся соблюдению принципов устойчивого развития, а также общественным нормам, сопровождающим данный процесс [Naché 2014a]. В качестве примеров общественных инициатив приводятся работы активистов в таких областях, как шифрование данных, организация децентрализованных общественных сетей и пространств для совместной работы⁹. Автор указанной работы предлагает рассматривать технологический суверенитет так же, как трактуется понятие «продовольственный суверенитет»: ключевыми ценностными ориентирами в данном контексте выступают местные хозяйственные системы, устойчивые технологии и права людей в отношении контроля над технологическими системами. Эта концепция получает развитие в других работах, где технологический суверенитет рассматривается как форма эмансипации, «инструмент борьбы с номенклатурой в области информационных технологий, элемент более широкой повестки борьбы с империализмом» [Beltrán, 2016, с. 18].

Автор другого рассматриваемого нами сборника *Numérique: Reprendre le contrôle* («Цифровая индустрия: обретение контроля») [Nitot 2016] обращается к проблематике пользования и владения личными данными. Хорошо известно, что мировые IT-гиганты, такие как Facebook и Google используют данные пользователей для предоставления цифровых услуг, из чего неизбежно получается вывод о том, что эти данные фактически принадлежат не потребителям цифровых услуг, а их поставщикам. Автор считает, что дискуссия о технологическом суверенитете может сформировать предпосылки для возникновения новых практик, способных изменить модель взаимодействия потребителей и поставщиков цифровых услуг. По мнению автора, обладание суверенитетом над личными данными требует наличия соответствующей доли свободы и автономности [Nitot 2016, с.3].

Автор указанного сборника считает, что важность проблематики технологического суверенитета не является самоочевидной. Повышение осведомленности широкой общественности о смысловом наполнении технологического суверенитета, в частности, о текущем состоянии цифровой индустрии может поспособствовать усилению роли пользователей в вопросах распоряжения технологиями и данными. К примеру, автор

⁸ См. примечание 6

⁹ Один из рецензентов настоящей работы затронул вопрос о релевантности понятий «свободный» и «открытый» в рамках дискуссии о суверенитете и может ли понятие «суверенитет» заменить собой первые два и если да, то что служит предпосылкой для подобного перехода. Работы, которые мы рассматриваем в статье, не дают четкого ответа на поставленные вопросы. Тем не менее, мы утверждаем, что дискуссия о суверенитете не только органически включает проблематику свободного ПО, но и расширяет предметное поле за счет включения вопросов обеспечения неприкосновенности личных данных и устаревания технологий. Важнейшей характеристикой дискурса суверенитета также является связанность озвученной проблематики с политической повесткой.

призывает взять на вооружение концепцию «конфиденциальности данных при использовании» (privacy by using) вместо распространенного подхода «встроенной защиты конфиденциальности данных» (privacy by design), что подразумевает не полный отказ от корпоративных технологий, а обеспечение надлежащей защиты от экспроприации данных силами самих пользователей. Автор считает, что в настоящий момент пользователи цифровых услуг готовы к обсуждению назревающих изменений в цифровой экосистеме. По мнению автора, цифровые корпорации и национальные государства более не способны обеспечить должный уровень защищенности пользовательских данных, в связи с чем ответственность за сохранность данных должны нести ответственность сами пользователи.

Нетрудно определить основные моменты, в которых государства и гражданское общество не сходятся в восприятии цифрового суверенитета. По умолчанию можно предположить, в условиях либеральной демократии государство и общество могут найти некие точки соприкосновения в рассматриваемом вопросе, что не характерно для авторитарных режимов. Однако следует заметить, что даже так называемые либеральные демократии подчас склонны устраивать массовую слежку за своими гражданами, примеры чего хорошо известны. Общим моментом для всех публикаций, представляющих интересы гражданского общества в вопросах технологического суверенитета, является призыв к ограничению власти государств и корпораций над Интернетом. В качестве мер защиты членов общественных движений от государственной слежки рассматриваются использование средств шифрования и автономных серверов. Тем не менее, подобный подход не лишен слабых мест: авторы не учитывают факт того, что те же коренные народности и жители стран «глобального Юга» подчас и вовсе лишены любой формы суверенитета, не только технологического, а также то, что представители цветного населения и мусульмане в частности находятся под наблюдением со стороны государства значительно дольше, чем белое население [см. например Browne 2015].

Личный цифровой суверенитет

В настоящем разделе мы бы хотели отразить переход от коллективного подхода к индивидуальному. Государственный суверенитет неразрывно связан с некой формой коллективности; в случае с гражданским обществом суверенитет схожим образом соотносится с неким абстрактным «мы». Отдельные личности могут прибегнуть к использованию свободного программного обеспечения и технологий шифрования в целях самозащиты, что и стало основой для выделения нами отдельной категории, связанной с деятельностью отдельных личностей.

Личный технологический суверенитет подразумевает установление индивидом контроля над собственными данными, устройствами, программным и аппаратным обеспечением и иными технологиями. До некоторой степени рассматриваемые в данном разделе работы коррелируют с упоминаемыми публикациями по проблематике цифрового суверенитета гражданского общества – в отдельных случаях особое внимание уделяется роли личности в процессе утверждения контроля над технологиями (в частности, за счёт использования свободного ПО и технологий шифрования).

Концепция личного или персонального технологического суверенитета перекликается с феминистским дискурсом о суверенитете женщины в отношении собственного тела, который мы рассматривали в первом разделе работы. В данном случае проводится прямая параллель между распоряжением телом и определенной технологией. Автор публикации *Sexting Girls: Technological Sovereignty and the Digital* [Gill-Peterson

2015] подчеркивает связь между конкретной технологией (в данном контексте, сотовыми телефонами) и возможностями девушек в отношении суверенитета над своим телом – обладание суверенитетом определяет их право выбора в вопросе участия в переписке эротического содержания (т.н. секстинг (sexting), то есть отправка личных фотографий с явным сексуальным подтекстом). Хотя автор публикации и выделяет ряд проблемных моментов, неизбежно связанных с секстингом, основной упор делается не на выставлении участвующих девушек в качестве жертв и необходимости обеспечения их защитой от предусмотренных действующим законом санкций, а на их посреднической функции, которая рассматривается через призму технологического суверенитета как свойства их тел. Автор упомянутой работы критически рассматривает концепцию цифрового суверенитета в контексте секстинга и заявляет о том, что участвующие в подобном взаимодействии девушки утрачивают свой суверенитет, однако автор признаёт ошибочность рассмотрения вопроса о праве девушек на обладание технологическим суверенитетом исключительно в рамках бинарной модели «жертва / агент».

Цифровой суверенитет: общее и различное

Настоящая работа показывает, что, хотя понятие «технологический суверенитет» используется ещё с середины 1970-х гг., начиная с 2011 г. наблюдается рост интереса к концепции «суверенитета» как такового. Далее мы представляем несколько основных выводов по проделанной работе.

Во-первых, хотя рассматриваемое понятие по-прежнему чаще всего используется при рассмотрении вопроса об осуществлении государством контроля над технологиями, в настоящее время его так же используют в своих интересах организации гражданского общества, представители коренных народностей и даже отдельные личности. Таким образом, мы обнаруживаем переход от коллективного трактования суверенитета как свойства, присущего государствам, к индивидуальному.

Во-вторых, мы определили, что в концепции технологического суверенитета сложились два подхода к восприятию независимости, контроля и автономности: 1) указанные понятия представляют собой возможности неких коллективных общностей (государств, сообществ, общественных движений и т.п.) в плане самостоятельного инновационного развития и / или деятельного участия в развитии технологий (например, путём создания условий для создания собственных, национальных технологий как формы выражения экономического национализма или распространения свободного ПО и автономной инфраструктуры на базе институтов и организаций гражданского общества); 2) защищенность конфиденциальных данных отдельных личностей или общностей, а также имеющийся уровень контроля над собственными данными, данными граждан или государства.

В-третьих, «суверенитет» как понятие обладает свойством риторической перформативности. Данный термин используется, в частности, как своего рода противоположность различным проявлениям гегемонизма, будь то гегемония США в международных отношениях (экономическое доминирование, их положение в системе управления Интернетом и т.д.), гегемония частных корпораций или переселенческая гегемония в отношениях между новоприбывшими и коренными народами. Ранее мы ссылались на одну из работ [Werner, Wilde 2001], авторы которой указывают на то, что дискурс суверенитета тем более развит, чем сильнее номинальный авторитет отличается

от реального. В многих работах по рассматриваемой проблематике суверенитет употребляется как противоположность ведущей роли США в управлении Интернетом или, что более характерно для самых современных публикаций, власти крупных IT-корпораций, в частности, «большой пятерки» Google, Amazon, Facebook, Apple и Microsoft (GAFAM). Риторическое измерение концепции цифрового суверенитета особенно хорошо иллюстрируют примеры Китая и России, которые используют данную концепцию как инструмент укрепления национального имиджа и продвижения собственной позиции в сфере управления Интернетом [Budnitsky, Jia 2018].

В-четвёртых, во многих случаях технологический суверенитет как понятие служит для формирования неких альтернативных доминирующим подходам концепций. Мы отмечаем, что дискурс цифрового суверенитета практически не представлен в США за исключением случаев, когда обсуждаются вопросы о суверенитете киберпространства, как в случае с заявлением экс-советника Трампа Бэннона, отстаивающего курс консервативных популистов. Хотя именно в США влияние интернет-сообщества и организаций, распространяющих свободное ПО ощущается особенно сильно, они до сих пор не выработали собственное понимание цифрового суверенитета, в отличие от европейских коллег. Необходимо отметить, что правительство США и, в особенности, американские компании, по-прежнему сохраняют значительное влияние в системе управления Интернетом. На этом фоне нежелание большинства стран предпринимать действия для изменения статус-кво неизбежно возникает вопрос: почему они не представят на суд мировой общественности своё видение цифрового суверенитета?

Помимо неких общих моментов, мы обнаруживаем множество расхождений в интерпретации цифрового суверенитета. Например, Китай продвигает особое видение суверенитета в интересах утверждения собственной легитимности в сфере контроля над информацией, тогда как организации гражданского общества, говоря о суверенитете, подразумевают защиту от организованной государством слежки или сбора коммерческих данных. Мы также отмечаем, что далеко не все акторы разделяют обеспокоенность представителей коренных народов вопросами колониальной и пост-колониальной политики. Можно ожидать, что рано или поздно повестка коренных народов волеется в общий дискурс усилиями прогрессивных социальных движений, однако в настоящий момент ситуация совершенно противоположная.

Остаётся открытым вопрос о взаимосвязях между различными терминами, рассмотренными в работе. Очевидно, что «суверенитет данных» относится, в первую очередь, к данным, а не к инфраструктуре (однако оба данных компонента неразрывно связаны). В чём же разница между «цифровым суверенитетом», «технологическим суверенитетом» или «Интернет суверенитетом»? Отчасти внешняя разница обусловлена различиями в социально-культурном контексте, откуда эти термины происходят, будь то английский или французский язык. Некоторые различия проявляются из-за приоритизации тех или иных аспектов проблемы, как, например, в случае с «технологическим суверенитетом» первостепенное значение имеют вопросы аппаратного обеспечения, а «Интернет суверенитет», в первую очередь, связан с мировой политической повесткой. Тем не менее, отдельные гипотезы должны пройти проверку в рамках последующих исследований.

Заключение. Цифровой суверенитет: опасения не напрасны?

Термин «суверенитет» в последние годы всё чаще употребляется в связке с такими понятиями, как «цифровой», «технологии», «данные», притом различные акторы выдвигают на передний план разные аспекты проблемы. Рост интереса к «цифровому суверенитету» (или схожим по смыслу понятиям) может быть отчасти обусловлен такими факторами, как растущая значимость облачных технологий [Hu, 2015] и откровениями Э. Сноудена о государственном и корпоративном шпионаже со стороны США [Polation-Reuben, Wright 2014]. Повышенное внимание к цифровому суверенитету коррелирует с т.н. «поворотом к суверенитету» [Bonilla 2017, с. 331] в социальных и гуманитарных науках. «Поворот» напрямую связан с текущей ситуацией в мировом экспертном сообществе и геополитическим контекстом, в рамках которых государства остаются важнейшими акторами несмотря на распространенное убеждение в том, что происходит размывание государственных границ и упадок национальных государств. В отношении цифрового суверенитета современный дискурс должен учитывать многолетний опыт дискурса о технологическом детерминизме, утверждающего отмирание национальных государств по мере развития Интернета и формирования сетевого сообщества. Суверенитет как категория (или как «символ» [Bonilla 2017]) также должен быть критически переосмыслен: сам по себе этот термин напрямую связан с историей западного колониализма и плотно укоренен в самой структуре международного права. Мы также приходим к выводу о том, что необходимо переосмыслить опыт колониализма, который воспроизводится в том или ином виде, когда речь заходит о суверенитете, к чему призывают рассмотренные нами общественные организации и на чем строится позиция представителей коренных народов. Несмотря на то, что понятие «цифровой суверенитет» подвергается критике как с эпистемологической точки зрения, так и по идеологическим соображениям, в дальнейшем нам ещё только предстоит выработать некий целостный подход для того, чтобы осмыслить «поворот к суверенитету» в вопросах управления Интернетом и политики в области цифровых технологий в более общих категориях. Несмотря на то, что сейчас цифровой суверенитет может считаться востребованной, и даже весьма практичной, концепцией, многие из вопросов, рассмотренные в рамках настоящей работы, как правило, обсуждаются вне контекста наследия колониализма, империализма или критического переосмысления суверенитета как такового. Таким образом, вопрос состоит в следующем: что принесёт нам цифровой суверенитет и что, наоборот, отнимет?

Источники

Appadurai A (1990) Disjuncture and difference in the global cultural economy // *Theory, Culture & Society*. No. 7(2–3). P. 295–310.

Barber L (2018) Steve Bannon Interview: FT future of news conference. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vO9TuxqbHTI> (дата обращения 19.07.2019).

Barlow JP (1996) A Declaration of the Independence of Cyberspace // *Electronic Frontier Foundation*, 8 February. Режим доступа: <https://www.eff.org/fr/cyberspace-independence> (дата обращения 19.07.2019).

Bellanger P (2012) De la souveraineté numérique // *Le Débat* 170(3): 149–159.

Beltrán NC (2016) Technological sovereignty: what chances for alternative practices to emerge in daily IT use // *Hybrid. Revue des arts et médiations humaines*. Режим доступа: <https://www>.

semanticscholar.org/paper/Technological-Sovereignty%3A-What-Chances-for-to
inBeltran/b26e0d1f1c21497b2980f8515d6ce7948d9c892f

Bhandar B (2011) The conceit of sovereignty: toward post-colonial technique. In: Lessard B (ed.) *Stories Communities: Narratives of Contact and Arrival in Constituting Political Community*. Vancouver, BC, Canada: University of British Columbia Press, pp. 66–88.

Bonilla Y (2017) Unsettling sovereignty. *Cultural Anthropology* 32(3): 330–339.

Bratton BH (2015) *The Stack: On Software and Sovereignty (Software studies)*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Browne S (2015) *Dark Matters: On the Surveillance of Blackness*. Durham, NC: Duke University Press.

Budnitsky S and Jia L (2018) Branding Internet sovereignty: digital media and the Chinese–Russian cyberalliance // *European Journal of Cultural Studies*. No. 21 (5). P. 594–613.

Coulthard SG (2014) *Red Skin, White Masks: Rejecting the Colonial Politics of Recognition*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Couture S (2013) Logiciels Libres: Réduction Des Coûts et Souveraineté Numérique. Note socioéconomique [Free Software: Cost Reduction and Digital Sovereignty. Socio-economic note]. Montréal: Institut de recherche et d'informations socio-économiques (IRIS). Режим доступа: <http://www.iris-recherche.qc.ca/wp-content/uploads/2013/09/Note-Logiciels-libres.pdf> (дата обращения 19.07.2019).

Couture S (2018) Embedding social justice in Internet Infrastructures: sociotechnical proposals from civil society in the context of Internet Governance. In Presentation at the Canadian Communication Association Conference 30 May – 1 June 2018. Regina: University of Regina.

Couture S, King G, and Toupin S, et al. (2016) “Another World Possible”? Reflections from the Media@McGill research delegation to the 2015 world social forum in Tunisia. *Canadian Journal of Communication* 41(1): 157–167.

Duarte ME (2017) *Network Sovereignty: Building the Internet across Indian Country*. Seattle, WA: University of Washington Press.

First Nations Information Governance Centre (2016) Pathways to First Nations’ data and information sovereignty. In: Kukutai T and Taylor J (eds) *Indigenous Data Sovereignty: Toward an Agenda (CAEPR)*. Canberra, ACT, Australia: ANU Press, pp. 139–156.

Gill-Peterson J (2015) Sexting girls: technological sovereignty and the digital // *Women & Performance*. No. 25(2). P. 143–156.

Globerman S (1978) Canadian science policy and technological sovereignty // *Canadian Public Policy*. No. 4(1). P. 34–45.

Grant P (1983) Technological sovereignty: forgotten factor in the “Hi-Tech” Razzamatazz. *Critical*.

Haché A (2014a) La souveraineté technologique. Dossier Ritimo. Режим доступа: <https://www.ritimo.org/IMG/pdf/dossier-st1.pdf>

Haché A (2014b) Technological sovereignty. *Mouvements* 79(3): 38–48.

Haché A (2017) *Technological Sovereignty*, vol.2. Barcelona. Режим доступа: <https://www.ritimo.org/IMG/pdf/sobtech2-en-with-covers-web-150dpi-2018-01-10.pdf>

Harold SW, Libicki MC and Cevallos AS (2016) *Getting to Yes with China in Cyberspace*. Santa Monica, CA: Rand Corporation. Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1335.html (дата обращения 19.07.2019).

Havercroft J (2011) *The Captive of Sovereignty*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Hinsley FH (1986) *Sovereignty*. 2nd ed. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

Hollis DB (2012) *Stewardship Versus Sovereignty? International Law and the Apportionment of Cyberspace* (ID 2038523, SSRN scholarly paper, 19 March). Rochester, NY: Social Science Research Network. Режим доступа: <https://papers.ssrn.com/abstract=2038523> (дата обращения 19.07.2019).

Hu TH (2015) *A Prehistory of the Cloud*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Krippendorff K (1993) Major metaphors of communication and some constructivist reflections on their use // *Cybernetics & Human Knowing*. No. 2(1). P. 3–25.

Kukutai T and Taylor J (2016) *Indigenous Data Sovereignty: Toward an Agenda* (CAEPR). Canberra, ACT, Australia: ANU Press.

Maurer T, Skierka I and Morgus R (2015) *Technological sovereignty: missing the point?* In: 2015 7th international conference on Cyber conflict: Architectures in cyberspace (CyCon), pp. 53–68. IEEE. Режим доступа: <http://ieeexplore.ieee.org/abstract/document/7158468/> (дата обращения 19.07.2019).

Mueller M (2017) *Will the Internet Fragment?: Sovereignty, Globalization and Cyberspace*. Malden, MA: Polity.

Murphy M (2012) *Seizing the Means of Reproduction: Entanglements of Feminism, Health, and Technoscience*. Durham, NC: Duke University Press.

Nitot T (2016) *Numérique : reprendre le contrôle*. Paris: Framasoft. Режим доступа: https://framabook.org/docs/NRC/Numerique_ReprendreLeControle_CC-By_impress.pdf.

Nugraha YK and Sastrosubroto AS (2015) *Towards data sovereignty in cyberspace*. In: 2015 3rd international conference on information and communication technology (ICoICT), May 2015, pp. 465–471. Режим доступа: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7231469>

Obar JA and Clement A (2013) *Internet Surveillance and Boomerang Routing: A Call for Canadian Network Sovereignty* (ID 2311792, ssrn scholarly paper, 1 July). Rochester, NY: Social Science Research Network. Режим доступа: <https://papers.ssrn.com/abstract=2311792> (дата обращения 19.07.2019).

Peters B (2016) *Digital*. In: Peters B (ed.) *Digital Keywords: A Vocabulary of Information Society and Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 93–108.

Philpott D (2003) *Sovereignty*. Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive, 31 May. Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/sovereignty/> (дата обращения 19.07.2019).

- Polatin-Reuben D and Wright J (2014) An Internet with BRICS characteristics: data sovereignty and the Balkanisation of the Internet. Usenix, 7 July. Режим доступа: <https://www.usenix.org/system/files/conference/foci14/foci14-polatin-reuben.pdf>
- Powers SM and Jablonski M (2015) The Real Cyber War: The Political Economy of Internet Freedom. Urbana, IL: University of Illinois Press.
- Proulx S (2007) Interroger la métaphore d'une société de l'information : horizon et limites d'une utopie. *Communication & Langages* 152: 107–124.
- Rhodes SD and Armijo LE (2014) Brazilian leadership and the global Internet. AULA Blog. Режим доступа: <https://aulablog.net/tag/digital-sovereignty/> (дата обращения 19.07.2019).
- Sélingué M (2007) Forum for food sovereignty. Declaration of Nyéléni, 27 February. Режим доступа: <https://nyeleni.org/spip.php?article290> (дата обращения 19.07.2019).
- Toupin S (2014) Feminist hackerspaces: the synthesis of feminist and hacker cultures. *Journal of Peer Production* 5: 1–11.
- Turner F (2006) From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Walter M (2016) Data politics and Indigenous representation in Australian statistics. In: Kukutai T and Taylor J (eds) *Indigenous Data Sovereignty: Toward an Agenda* (CAEPR). Canberra, ACT, Australia: ANU Press, pp. 79–98.
- Werner WG and De Wilde JH (2001) The Endurance of sovereignty. *European Journal of International Relations* 7(3): 283–313.
- Wilson A (2015) Our coming in stories: cree identity, body sovereignty and gender self-determination. *Journal of Global Indigeneity* 1: 4.
- Wu TS (1997) Cyberspace sovereignty? The Internet and the international system. *Harvard Journal of Law & Technology* 10(3): 647–666

What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital?

S. Couture, S. Toupin

Stephane Couture - Bilingual Program in Communications, Glendon College, York University, 2275 Bayview Avenue, Toronto, ON, Canada M4N 3M6. E-mail: stephane.couture24@gmail.com

Sophie Toupin - graduate student in the Department of Art History and Communication Theory at McGill University, Montreal, Canada.

Abstract

This article analyzes how the notion of “sovereignty” has been and is still mobilized in the realm of the digital. This notion is increasingly used to describe various forms of independence, control, and autonomy over digital infrastructures, technologies, and data. Our analysis originates from our previous and current research with activist “tech collectives” where we observed a use of the notion to emphasize alternative technological practices in a way that significantly differs from a governmental policy perspective. In this article, we review several publications in order to show the difference, if not diverging ways in which the notion is being conceptualized, in particular by

different groups. We show that while the notion is generally used to assert some form of collective control on digital content and/or infrastructures, the precise interpretations, subjects, meanings, and definitions of sovereignty can significantly differ.

References

- Appadurai A (1990) Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Theory, Culture & Society* 7(2–3): 295–310.
- Barber L (2018) Steve Bannon Interview: FT future of news conference. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vO9TyxqbHTI> (accessed 24 June 2018).
- Barlow JP (1996) A Declaration of the Independence of Cyberspace. Electronic Frontier Foundation, 8 February. Available at: <https://www.eff.org/fr/cyberspace-independence> (accessed 14 November 2017).
- Bellanger P (2012) De la souveraineté numérique. *Le Débat* 170(3): 149–159.
- Beltrán NC (2016) Technological sovereignty: what chances for alternative practices to emerge in daily IT use? *Hybrid. Revue des arts et médiations humaines*. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Technological-Sovereignty%3A-What-Chances-for-to-inBeltran/b26e0d1f1c21497b2980f8515d6ce7948d9c892f>
- Bhandar B (2011) The conceit of sovereignty: toward post-colonial technique. In: Lessard B (ed.) *Stories Communities: Narratives of Contact and Arrival in Constituting Political Community*. Vancouver, BC, Canada: University of British Columbia Press, pp. 66–88.
- Bonilla Y (2017) Unsettling sovereignty. *Cultural Anthropology* 32(3): 330–339.
- Bratton BH (2015) *The Stack: On Software and Sovereignty (Software studies)*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Browne S (2015) *Dark Matters: On the Surveillance of Blackness*. Durham, NC: Duke University Press.
- Budnitsky S and Jia L (2018) Branding Internet sovereignty: digital media and the Chinese–Russian cyberalliance. *European Journal of Cultural Studies* 21(5): 594–613.
- Coulthard SG (2014) *Red Skin, White Masks: Rejecting the Colonial Politics of Recognition*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Couture S (2013) *Logiciels Libres: Réduction Des Coûts et Souveraineté Numérique. Note socioéconomique [Free Software: Cost Reduction and Digital Sovereignty. Socio-economic note]*. Montréal: Institut de recherche et d'informations socio-économiques (IRIS). Available at: <http://www.iris-recherche.qc.ca/wp-content/uploads/2013/09/Note-Logiciels-libres.pdf> (accessed 25 July 2019).
- Couture S (2018) Embedding social justice in Internet Infrastructures: sociotechnical proposals from civil society in the context of Internet Governance. In Presentation at the Canadian Communication Association Conference 30 May – 1 June 2018. Regina: University of Regina.
- Couture S, King G, and Toupin S, et al. (2016) “Another World Possible”? Reflections from the Media@McGill research delegation to the 2015 world social forum in Tunisia. *Canadian Journal of Communication* 41(1): 157–167.

- Duarte ME (2017) *Network Sovereignty: Building the Internet across Indian Country*. Seattle, WA: University of Washington Press.
- First Nations Information Governance Centre (2016) Pathways to First Nations' data and information sovereignty. In: Kukutai T and Taylor J (eds) *Indigenous Data Sovereignty: Toward an Agenda* (CAEPR). Canberra, ACT, Australia: ANU Press, pp. 139–156.
- Gill-Peterson J (2015) Sexting girls: technological sovereignty and the digital. *Women & Performance* 25(2): 143–156.
- Globerman S (1978) Canadian science policy and technological sovereignty. *Canadian Public Policy/Analyse De Politiques* 4(1): 34–45.
- Grant P (1983) Technological sovereignty: forgotten factor in the “Hi-Tech” Razzamatazz. *Critical Studies in Innovation* 1(2): 239–270.
- Haché A (2014a) La souveraineté technologique. Dossier Ritimo. Available at: <https://www.ritimo.org/IMG/pdf/dossier-st1.pdf>
- Haché A (2014b) Technological sovereignty. *Mouvements* 79(3): 38–48.
- Haché A (2017) *Technological Sovereignty, vol.2*. Barcelona. Available at: <https://www.ritimo.org/IMG/pdf/sobtech2-en-with-covers-web-150dpi-2018-01-10.pdf>
- Harold SW, Libicki MC and Cevallos AS (2016) *Getting to Yes with China in Cyberspace*. Santa Monica, CA: Rand Corporation. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1335.html (accessed 22 June 2018).
- Havercroft J (2011) *The Captive of Sovereignty*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Hinsley FH (1986) *Sovereignty*. 2nd ed. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
- Hollis DB (2012) Stewardship Versus Sovereignty? *International Law and the Apportionment of Cyberspace* (ID 2038523, SSRN scholarly paper, 19 March). Rochester, NY: Social Science Research Network. Available at: <https://papers.ssrn.com/abstract=2038523> (accessed 21 September 2017).
- Hu TH (2015) *A Prehistory of the Cloud*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Krippendorff K (1993) Major metaphors of communication and some constructivist reflections on their use. *Cybernetics & Human Knowing* 2(1): 3–25.
- Kukutai T and Taylor J (2016) *Indigenous Data Sovereignty: Toward an Agenda* (CAEPR). Canberra, ACT, Australia: ANU Press.
- Maurer T, Skierka I and Morgus R (2015) Technological sovereignty: missing the point? In: 2015 7th international conference on Cyber conflict: Architectures in cyberspace (CyCon), pp. 53–68. IEEE. Available at: <http://ieeexplore.ieee.org/abstract/document/7158468/> (accessed 18 September 2017).
- Mueller M (2017) *Will the Internet Fragment?: Sovereignty, Globalization and Cyberspace*. Malden, MA: Polity.
- Murphy M (2012) *Seizing the Means of Reproduction: Entanglements of Feminism, Health, and Technoscience*. Durham, NC: Duke University Press.

- Nitot T (2016) *Numérique : reprendre le contrôle*. Paris: Framasoft. Available at: https://framabook.org/docs/NRC/Numerique_ReprendreLeControle_CC-By_impress.pdf.
- Nugraha YK and Sastrosubroto AS (2015) Towards data sovereignty in cyberspace. In: 2015 3rd international conference on information and communication technology (ICoICT), May 2015, pp. 465–471. Available at: <https://ieeexplore.ieee.org/document/7231469>
- Obar JA and Clement A (2013) Internet Surveillance and Boomerang Routing: A Call for Canadian Network Sovereignty (ID 2311792, ssrn scholarly paper, 1 July). Rochester, NY: Social Science Research Network. Available at: <https://papers.ssrn.com/abstract=2311792> (accessed 24 June 2018).
- Peters B (2016) Digital. In: Peters B (ed.) *Digital Keywords: A Vocabulary of Information Society and Culture*. Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 93–108.
- Philpott D (2003) Sovereignty. Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive, 31 May. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/sovereignty/> (accessed 24 June 2018).
- Polatin-Reuben D and Wright J (2014) An Internet with BRICS characteristics: data sovereignty and the Balkanisation of the Internet. *Usenix*, 7 July. Available at: <https://www.usenix.org/system/files/conference/foci14/foci14-polatin-reuben.pdf>
- Powers SM and Jablonski M (2015) *The Real Cyber War: The Political Economy of Internet Freedom*. Urbana, IL: University of Illinois Press.
- Proulx S (2007) Interroger la métaphore d'une société de l'information : horizon et limites d'une utopie. *Communication & Langages* 152: 107–124.
- Rhodes SD and Armijo LE (2014) Brazilian leadership and the global Internet. *AULA Blog*. Available at: <https://aulablog.net/tag/digital-sovereignty/> (accessed 14 November 2017).
- Sélingué M (2007) Forum for food sovereignty. Declaration of Nyéléni, 27 February. Available at: <https://nyeleni.org/spip.php?article290> (accessed 22 June 2018).
- Toupin S (2014) Feminist hackerspaces: the synthesis of feminist and hacker cultures. *Journal of Peer Production* 5: 1–11.
- Turner F (2006) *From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Walter M (2016) Data politics and Indigenous representation in Australian statistics. In: Kukutai T and Taylor J (eds) *Indigenous Data Sovereignty: Toward an Agenda (CAEPR)*. Canberra, ACT, Australia: ANU Press, pp. 79–98.
- Werner WG and De Wilde JH (2001) The Endurance of sovereignty. *European Journal of International Relations* 7(3): 283–313.
- Wilson A (2015) Our coming in stories: cree identity, body sovereignty and gender self-determination. *Journal of Global Indigeneity* 1: 4.
- Wu TS (1997) Cyberspace sovereignty? The Internet and the international system. *Harvard Journal of Law & Technology* 10(3): 647–666